

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ...”

“СОЦИАЛИЗМ ИДИОТОВ”

После того как Евтушенко уничтожил своё антисемитское стихотворение о “врачах-отравителях” и, замаливая этот случайный грех перед современниками, сочинил “Бабий Яр”, он как бы переродился.

Его, “переродившегося”, восторженно принимали во всех 94-х государствах, где он побывал, его избрали во множество мировых Академий, ему устраивали творческие вечера во многотысячных залах многих стран, куда его заносила судьба, поклонники засыпали его письмами. Одно из посланий такого рода особенно выделялось на этом хвалебном фоне, во-первых, потому, что было написано в рифму, а во-вторых, потому, что было подписано знаменитым Леонидом Утёсовым, который, прочитав “Бабий Яр”, опубликованный в “Литгазете” от 19 сентября 1961 года, сразу же бросился к столу, охваченный приступом вдохновения. Если несведущий читатель, помнящий Леонида Утёсова в образе бесшабашного русского пастуха из кинофильма “Весёлые ребята”, спросит, какое отношение имеет этот пастух к стихотворению “Бабий Яр”, то ему придётся узнать, что письмо Евтушенко писал не этот пастух, а одесский интеллигент Лазарь Иосифович Вайсбейн, взявший себе в 30-е годы псевдоним “Леонид Утёсов”. И вот каким было его стихотворное послание поэту, написанное в сентябре 1961 года и впервые напечатанное в книге “Я останусь не только стихами...” Современники о Евгении Евтушенко”, изданной в Москве после смерти поэта (“Русский мир”, 2018. С. 472). Послание начинается с эпиграфа:

*Но ненавистен злобой заскоруждой
Я всем антисемитам как еврей,
И потому – я настоящий русский!*
Е. Евтушенко

*Ты прав, поэт, ты трижды прав —
С каких бы ни взглянуть позиций.
Да, за ударом был удар,
Погромы, Дрейфус, Бабий Яр
И муки разных инквизиций.*

*Вот ты взглянул на Бабий Яр,
И, не сдержавши возмущенья,*

*Ты, русский, всех людей любя,
В еврея превратил себя,
Призвав своё воображенье.*

*И вот ты — Дрейфус, Анна Франк,
Ты — юноша из Белостока...
Вокруг тебя безумья мрак,
Глумится над тобой дурак
Без сожаленья и без срока.*

.....

В этом стихотвореньи Леонид Утёсов изложил всю сущность мировоззрения, которое исповедовали целые пласты советской интеллигенции в 30-е годы прошлого века:

*И если б Ленин нынче жил,
Когда открылся путь до Марса,
Тобой бы он доволен был.
Он очень тот народ любил,
Что дал Эйнштейна, Карла Маркса...*

*Любя страну, людей любя,
Ты стал нам всем родной и близкий.
За это славлю я тебя
И возношу тебя, любя —
Поэт и Гражданин Российский.*

Восхитившись “настоящей русскостью” Евгения Александровича и его актёрской способностью “превратить себя в человека другой национальности”, Леонид Осипович Утёсов в своём стихотворном отклике справедливо повторил вслух за Евтушенко имена и географию жертв всемирного европейского погрома, длившегося несколько веков: “Дрейфус” (Франция), “Анна Франк” (Голландия), “Белосток” (Польша), “инквизиция” (вся протестантская и католическая Европа) и, наконец, “Бабий Яр” (Украина). Но ни о каких русских кознях и погромах в этом перечне антисемитских деяний Утёсов не сказал ни одного слова. Он просто попытался сказать нечто важное от имени “тупого антисемита”:

*Твердит тупой антисемит:
“Во всём виновен только жид!”
Нет хлеба — жид, нет счастья — жид,
и что он глуп — виновен жид.
Так глупость голову кружит.*

*Отбросив совесть, честь и стыд,
не знает в мыслях поворотов.
Ему давно пора учесть,
что антисемитизм — есть
социализм идиотов.*

И тут, хочешь не хочешь, приходится отвечать на вопрос: для кого Россия в 30-е годы строила социализм? Неужели, если согласиться с Утёсовым, советский человек, создавая “построенный в боях социализм” (Маяковский!), не имел прав и возможностей пользоваться его плодами? В чём же здесь дело? Неужели в том, что “каста проклятая” (как называл Сталин сословие партийной, советской и культурной номенклатуры), совершив с помощью простонародья политическую, экономическую и культурную революцию, решила к середине 30-х годов, что она достигла главного: построила социализм для себя, и что всяческие притязания простонародья на свою долю социализма нужно называть “антисемитизмом”? То, что такое предположение недалеко от истины, подтверждают страницы из книги русского человека Юрия Елагина,

вышедшего из среды дореволюционного сословия инженеров и фабрикантов и ставшего в 30-е годы сотрудником театра имени Вахтангова. Книга, которую он назвал “Укрощение искусств”, была издана в 1952 году в американском издательстве им. А. П. Чехова, и речь в ней шла об условиях жизни в 30-е годы эстрадной и театральной элиты, к коей принадлежал и поклонник Евгения Евтушенко Леонид Утёсов. Вот что пишет об этой жизни её честный свидетель, музыкант Елагин, побывавший в те годы в русской глубинке на берегах Оки возле городка Елатьмы, где советское правительство после опустошившей эти земли коллективизации передало их вахтанговцам, которые построили для себя на развалинах крестьянского быта не плебейский “социализм идиотов”, а настоящий социализм советской знати.

“В скором времени нельзя было и узнать ещё недавно заброшенную усадьбу. Она ожила и расцвела вновь, составив потрясающий контраст с окружающей её бедностью, ужасом и дичью. Вахтанговцы оказались блестящими “колонизаторами”. Уже в первом же году наш дом отдыха оказался устроенным превосходно. Дом был заново отремонтирован. Были выстроены две новые дачи, разбита теннисная площадка, расчищен старый парк, приведён в порядок большой фруктовый сад.

На соседних лугах паслись наши стада коров. В просторном свинарнике было полно свиней. Местные крестьяне обрабатывали вахтанговские огороды и засеивали наши поля. Они же работали на кухне, пасли коров, рубили дрова, расчищали парк. Как богатые феодалы, как конкистадоры среди покорного покорённого народа жили мы – советские артисты и музыканты, среди “самых передовых крестьян в мире” – советских колхозников в социалистическом государстве в эпоху сталинских пятилеток, когда, по словам “Краткого курса истории ВКП(б)”, социализм был уже почти осуществлён в нашей стране и оставались совсем пустяки до полного его завершения.

В дополнение к продуктам, получаемым от нашего собственного хозяйства, дирекция театра получила в Москве разрешение правительства на снабжение нашего дома отдыха “совнаркомовским” пайком, который в то время выдавался только самым ответственным партийным и правительственным работникам. И нам стали регулярно доставлять из Москвы первоклассные продукты: сыры и колбасы, ветчину и икру, лучшие конфеты и превосходное печенье. Никогда я не ел так вкусно и обильно, как в нашем доме отдыха в 1933 году.

Знали ли мы тогда, что в эти же самые дни лета 1933 года в других областях нашей страны – на Украине и Северном Кавказе – вымирали от голода миллионы наших соотечественников? Что трупы валялись небуранными на улицах деревень и городов? Что было много случаев людоедства? Знали ли мы всё это? Верили ли мы этому? Нет. Мы старались об этом не знать. Мы прилагали все свои усилия к тому, чтобы этому не верить. Подобно миллионам советских граждан, мы учились заглушать голос нашей совести, ибо как же можно было жить иначе? А мы все любили жизнь и хотели жить”.

Ну, как тут не вспомнить манифест Алексея Ганина “Мир и свободный труд народам”, за сочинение которого он и его друзья были расстреляны в 1925 году по воле Ягоды и Агранова, которые вместе с Утёсовым, конечно же, бывали в “Вахтанговском раю”, описанном Елагиным в книге “Укрощение искусств”. Но по свидетельству того же Елагина, в культурной жизни 30-х годов существовала ещё одна прослойка, которая по уровню своих доходов и благ даже опережала уровень вахтанговского, то есть самого привилегированного “правительственного” театрального коллектива Москвы.

“Однако тогда же, в годы 1933–1935, существовали музыканты, которые, – пишет Елагин, – хотя формально и не имели всех “закрытых” благ закулисной театральной жизни, но зато зарабатывали такие огромные деньги, что без труда получали все преимущества, какие только могли иметь привилегированнейшие из советских граждан. Это были музыканты известных джазов, достигших как раз к этому времени зенита своей всенародной славы и популярности. Известные руководители советских джазов – Александр Цфасман, Леонид Утёсов, Яков Скоморовский – зарабатывали несколько десятков тысяч рублей в месяц, и их музыканты – не менее 5000”.

А как же по сравнению с этими “сынами гармонии” и “жрецами прекрасного” зарабатывали на свою грешную жизнь представители “черни”, или, как их называет Утёсов, “идиоты социализма”? Елагин пишет об их заработках так: “Не лишним будет для сравнения привести заработки советских граждан

других специальностей. В те годы – 1934–1935, о которых идёт речь, – амбулаторный врач в Москве получал 300–350 рублей в месяц, инженер – 500–600 рублей, главный инженер большого завода – 900–1100 рублей. Средний рабочий – 200–250 рублей”. “Ойстрах получал 500 рублей за десятиминутное выступление”. А что касается уровня жизни сегодняшних крестьян и сегодняшнего простонародья, то их существование мало чем отличается от существования крестьян, обслуживавших театральную и джазовую элиту тридцатых годов. Я убедился в этом недавно, получив письмо из костромского посёлка Вохма, находящегося рядом с селом Пыщуг, где прошли в эвакуации 1941–1943 годы – годы моего детства.

“Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Вас беспокоит Смердов Анатолий Витальевич из посёлка Вохма Костромской обл. Мы практически земляки – ветлугане (местное прозвание жителей Поветлужья), потому что Пыщуг – соседний с нами район, а Вы в детстве, в войну, там жили. Благодатный наш край, к великому сожалению, в условиях “дикого капитализма” и бездорожья хиреет и обезлюживается. Мощные лесспромхозы давно ликвидированы. От сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов) тоже почти ничего не осталось. Фермерство из-за удалённости от рынков сбыта и низких цен на продукцию неконкурентоспособно. Соотношение цен таково: если в 70–80-е годы на приобретение трактора МТЗ-80 от хозяйства хватало трёх откормленных до четырёхсот килограммов бычков, то теперь, чтоб купить трактор, нужно в десять раз больше. Леса у колхозов давно изъяты. В местных подсобных хозяйствах всё меньше скота и обрабатываемой земли. Из-за отсутствия работы и условий молодёжь в родных местах не остаётся. К уехавшим и устроившимся детям неизбежно тянутся и пожилые. Так называемая государственная “оптимизация” (на самом деле сокращение и уничтожение) бывших сельсоветов, а теперь управление сельских поселений), школ, больниц, очагов культуры и прочих структур окончательно всё добивает. Такие вот “перспективы” коренного русского Нечерноземья.

Очень ценю Ваши стихи, прозу и публицистику. Журнал “Наш современник” раньше выписывал, а теперь и в районной библиотеке последние номера имеются лишь за 2016 год. Прочитал в “Правде” интервью с Вами В. Кожемяко. Целиком и полностью разделяю Ваши взгляды, оценки и мнения. Поэтому рискнул послать на Ваш суд кое-что из окололитературных вещей провинциала из сельской глубинки.

С уважением секретарь Вохомского районного отделения КПРФ А. Смердов.

28.03.2019 г.”

Ну, что я могу добавить к письму Анатолия Витальевича из Вохмы? Разве только то, что в 2013 году, приехав в город Никольск на столетие в юбилей поэта Александра Яшина, я оказался в 60-ти км от Пыщуга и по счастливой оказии сумел навестить места моего военного детства. Я побродил по улицам Пыщуга, вспоминая нашу жизнь с матерью и маленькой сестрёнкой, родившейся там в ноябре 1941 года, и погрузился в воспоминания...

Моя матушка работала в Пыщуге заведующей районной больницей, в которой было несколько отделений: терапевтическое, хирургическое, детское. Был и родильный дом, где родилась моя сестрёнка. Была амбулатория, была прачечная и даже своя конюшня. Одним словом, это была большая больница по тогдашним меркам – аж на 200 коек. Под руководством моей матушки на территории больницы вскоре было построено инфекционное отделение для борьбы с эпидемией сыпного тифа. Но когда летом 2013 года я вошёл в парк, где некогда стояли деревянные больничные бараки, где стояла на краю высокого речного обрыва наша изба, то я увидел, что двери и окна амбулатории заколочены, что ни родильного дома, ни инфекционного отделения на территории больницы не видно. Только возле терапии на лавочке сидели три женщины, поговорив с которыми я узнал, что в терапевтическом отделении сейчас всего лишь восемь коек для неотложных больных, а все другие отделения снесены из-за ветхости. А на мой вопрос – где рожают детей пыщуганки? – они ответили, что рожениц возят за 100 км в Шарью... Конечно, неудобно, конечно, небезопасно, но что делать? Средств у района нет, чтобы возродить некогда известную во всей округе больницу.

Я слушал их жалобы и думал: а где-то ведь строят дорожные перинальные центры. Неужели пыщугане, траурный список которых, павших на Великой Отечественной, выгравированный на бронзовой стеле в центре села, недостойны простейших медицинских благ, которые у них были в сталинские годы? Неужели они всю свою трудовую жизнь прожили, как “идиоты социализма”, в то время, как дети “касты проклятой” (по словам Сталина) с восторгом цитировали стихи уроженца станции Зима: **“Я ненавижу рабскую мечту о коммунизме в виде магазина”**.

Прочитав эту кощунственную строчку, я вспомнил, что в селе Пыщуг, где жила в начале войны не менее пяти тысяч наших граждан, была лишь одна торговая точка (“магазин”), где торговали фруктовым чаем, солью и непонятными для деревенских жителей банками крабов... Какой там “коммунизм в виде магазина”! Даже спичек не было. Идя в ранних сумерках в школу, я то и дело встречал согбенных деревенских женщин, идущих с глиняным горшочком или котелком, в которых они несли в свои избы горстку алых угольков на растопку... До “коммунизма” ли им было? Это Евтушенко в стихотворном экстазе мог восклицать: “Коммунизм – это высший интим!” Не знаю, что он подразумевал под этой высокопарщиной, но по мне помощь горсткой горящих угольков являлась куда более “коммунистическим” деянием, нежели весь его “интим”...

Чувствуя фальшь “шестидесятников”, Анна Ахматова в разговорах с Лидией Чуковской отзывалась обо всех них жёстко и непреклонно: “*Это не стихи, а эстрадные номера. Помните, Лидия Корнеевна, люстры падали от грохота аплодисментов в огромном зале в Ташкенте, когда выступал Гусев? А потом возьмёшь книгу в руки – ничтожно. Бывают такие случаи: выступит человек один раз со своими стихами на эстраде, вызовет аплодисменты, и далее всю свою жизнь подбирает слова применительно к собственному голосу. Незавидная участь...*” А о стихах Ахмадулиной Ахматова отзывалась так: “*Полное разочарование... Стихи пахнут хорошим кофе – было бы гораздо лучше, если бы они пахли пивнухой. Стихи плоские, нигде нет ни одного взлёта, ни во что не веришь, всё выдумки. И мало того – стихи противные*”. Сказано жестоко. Но когда читаешь строчки Ахмадулиной о том, как она попала в застолье к некоему официозному переделкинскому критику и подумала: “*За Мандельштама и Марину я отогреюсь и поем*”, – то понимаешь правоту слов Анны Андреевны. “*О Евтушенко и Вознесенском, – вспоминает Чуковская, – Ахматова отозвалась и как о личностях и как о поэтах <...> – Начальство их недолюбливает, – сказала я. – Вздор! Их посылают на Кубу! И каждый день делают им рекламу в газетах. Так ли у нас поступают с поэтами, когда начальство не жалуется на них в самом деле!*” (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Том II, СПб: Нева, 1996. С. 355, 377).

А вот как, по свидетельству Корнея Чуковского, относился к стихам Е. Евтушенко Александр Твардовский:

“14 сентября 1969. Вчера вечером, когда мы сидели за ужином, пришёл Евтушенко с замученным неподвижным лицом и, поставив Петю на пол, сказал замогильно (очевидно, те слова, которые нёс всю дорогу ко мне):

“Мне нужно бросать профессию. Оказывается, я совсем не поэт. Я фигляр, который вечно чувствует себя под прожектором”.

Мы удивлены. Он помолчал.

“Всё это сказал мне вчера Твардовский. У него месяцев пять лежала моя рукопись “Америка”. Наконец он удосужился прочитать её. Она показалась ему отвратительной. И он полчаса доказывал мне – с необыкновенною грубостью, что всё моё писательство – чушь”.

Я утешал его: “Фет не признавал Некрасова поэтом, Сельвинский – Твардовского”. Таня, видевшая его первый раз, сказала: “Женя, не волнуйтесь”.

И стала говорить ему добрые слова. Но он, не дослушав, взял Петю и ушёл”. Крестьянский сын Александр Твардовский, написавший трагическую поэму “Страна Муравия” о раскрестьянивании России, глубже и честнее Утёсова, Евтушенко и прочих “шестидесятников” знал, что такое социализм для народа. И всё-таки сколько ни ссылайся на авторитеты минувших времён, всё равно удивляешься тому, что “тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман, и тому, что Евтушенко, написав “Бабий Яр”, совершил нечто сверхъестественное, поскольку он, в сущности, сочинил молитву, которую истоиво стали заучивать и повторять местечковые советские атеисты вроде Леонида Утёсова...

Хотя, с другой стороны, “Бабий Яр”, который Е. Е. считал чуть ли не главной своей поэтической вершиной, воспринимался совсем иначе. Вот что писал об избранных стихах Евтушенко, в число которых, естественно, вошёл “Бабий Яр”, известный русский поэт, участник Великой Отечественной войны Николай Старшинов: “Чем дальше я читал “Строфы века”, тем определённое складывалось у меня представление, что составитель умышленно натравливает один народ на другой, специально подбирая для этого соответствующие стихи, в которых находится “ключ к русской душе”, душе антисемита-погромщика, а в лучшем случае – человека “без царя в голове” – то есть дурачка... И у меня вырвался из души экспромт-эпиграмма, посвящённый составителю:

*Полухохол, полуполяк,
Полулатыш, полутатарин,
Полупростак, полумастак,
Ты что же, мать твою растак,
России так неблагодарен?*

(Лит. Россия” 7.6.1996)

Ну, что делать, коли Леонид Утёсов и Николай Старшинов всегда будут понимать “Бабий Яр” каждый по-своему...

* * *

Размышляя в некрологе о причинах загадочного переселения Евтушенко в Америку, Александр Проханов предположил, что поэт разочаровался в итогах революции 1991–1993 годов, но я уверен, что причины “полузмиграции” Евтушенко с семьёй в Америку были куда более прозаическими и меркантильными, нежели это казалось Саше Проханову.

Что заставило революционера-интернационалиста и “каторжника славы”, автора антиамериканской поэмы “Под кожей статуи Свободы”, человека, любящего известность и всегда гордившегося тем, что он встречался со многими знаменитыми людьми своей эпохи – Пикассо, Никсоном, Шагалом, Робертом Кеннеди, Фиделем Кастро, Аленом Гинзбергом, Пабло Нерудой, Сальвадором Дали и т. д., – укрыться, подобно Троцкому в Мексике, в захолустной Оклахоме, в неведомом “цивилизованному миру” городишке Тулсы? Возможно, всё дело в том, что постоянно жить в “демократической” России поэту, воспевшему всех советских вождей от Ленина до Ельцина и Горбачёва, было бы неуютно. А ведь Евтушенко с гордостью писал о своих заслугах перед историей, перед гласностью, перед горбачёвщиной:

“Не думайте, что гласность или перестройка с неба свалились, или что их нам даровало Политбюро. Подготовка шла много лет. Новое поколение лидеров впитало в себя дух нашей литературы. Они были студентами в 1950-х, когда мы начали читать свои стихи. Они протискивались на наши поэтические чтения на балкон без билетов”.

С другой стороны, американские спецслужбы, видимо, понимали, что за все заслуги в деле развала СССР Евтушенко заработал право на комфортную жизнь в Америке, но он же в своё время превозносил до небес злейшего врага США Фиделя Кастро, он же написал пасквиль на американский образ жизни – поэму “Под кожей статуи Свободы”! О чём сам сообщал в письме Л. И. Брежневу: “Дорогой Леонид Ильич! В прошлом году в беседе с Е. А. Фурцевой Вы поддержали идею моей совместной работы с Любимовым в Театре на Таганке над антиимпериалистическим спектаклем “Под кожей статуи Свободы”.

Ну, как такого “борца с империализмом” оставить жить в Нью-Йорке или Вашингтоне? И, наверное, кому-то из умных идеологов типа Бжезинского пришлось в голову поселить Евгения Александровича в глухой провинции, но создать для него и его семьи такие условия, от которых невозможно было отказаться. Я предполагаю, что всё было так, поскольку в моём архиве сохранилась папка с документами, проливающими некоторый свет на переезд Евтушенко в Америку. Папка эта была в своё время передана мне одним из сотрудников иностранной комиссии Союза писателей СССР. А к нему в руки она попала во

времена разрушения Союза писателей, когда архивные документы валялись в коридорах обезлюдевшего ведомства. Оказывается, что у человека, написавшего книгу воспоминаний под названием “Волчий паспорт”, на самом деле паспорт был не волчий, а “дипломатический”. И не только у него, но и у жены Евтушенко Марии Владимировны. И паспорта эти были выданы им задолго до августа 1991 года – мужу – 16.06.1989 года, а жене – 19.09.1990 года. Так что супружеская пара, возможно, с помощью бывшего министра иностранных дел Козырева, ныне проживающего в США, заранее обзавелась нужными документами, как говорится, “подстелили соломки”...

“Дипломатический паспорт” – это охранный документ и при выезде за границу, и при въезде. Он гарантирует отсутствие жёстких досмотров, всяческих препятствий и ограничений в вывозе багажа, в частности, литературы, картин, предметов антиквариата и т. д. Когда я сказал своим знакомым дипломатам об этом – они изумились: не может быть! Да, по правилам не может быть, чтобы член Союза писателей с женой были выведены в ранг дипломатов. Но ведь то Евтушенко! У него же всегда были телефоны и Андропова, и Крючкова, и Бобкова, и Горбачёва и далее везде, ведь не случайно же через этого “дипломата” Роберт Кеннеди передавал советскому руководству сведения о том, что имена Даниэля и Синявского были выданы нашему КГБ американскими спецслужбами, чтобы шум от международного скандала, который неизбежно должен был разразиться во время суда над ними, отвлек мировое общественное мнение от американских бомбёжек Вьетнама. К дипломатическим паспортам был приложен следующий документ.

“ПРОГРАММА

пребывания в США поэта Е. Евтушенко с семьёй (жена, двое детей, няня) по приглашению

Университета г. Тулсы

Срок пребывания: 20.07.92–20.07.93 г.

15 августа 1992 г. – август 1993 г. – чтение лекций в студенческих аудиториях Университета г. Тулсы.

15 августа 1992 г. – Прибытие в США (Нью-Йорк).

В последний месяц пребывания в США (август 1993 г.) Е. Евтушенко планирует с ознакомительными целями посещение ряда американских городов (Нью-Йорк, Сан-Франциско, Бостон, Нью-Орлеан, Майами, Чербанко, Вашингтон, Чикаго, Финикс, Филадельфия, штаты Мэйн, Аризона, Нью-Джерси, Орегон, Флорида) – поэтические выступления, чтение лекций, а также посещение с туристическими целями Гранд-Каньона, Гавайев, Пуэрто-Рико.

Во время годичного пребывания Евтушенко в США возможны его кратковременные отъезды на родину, связанные с семейными обстоятельствами, а также его выезды в Европу и Латинскую Америку для поэтических выступлений и чтения лекций, для чего Е. Евтушенко и членам его семьи потребуются многократные выездные визы в СССР и европейские страны.

15 августа 1993 г. – Возвращение Е. Евтушенко с семьёй в Москву”.

И вся эта жизнь в течение целого года (а на самом деле Евтушенко прожил с семьёй в США в течение нескольких лет) была за счёт принимающей стороны. Вот как богатая Америка вознаградила нашего “шестидесятника” за его “дипломатическую службу”, о которой ещё в 60-х годах с одобрением писал создатель ЦРУ Аллен Даллес. Правда, Евгений Александрович объяснил во многих своих интервью, что в университетском городке Тулсы он поселился потому, что, проезжая по его улицам, он услышал таинственную и мистическую “мелодию Лары” из “Доктора Живаго”. И правильно сделал: зачем ему было объяснять, что ни в один из крупных городских университетов Восточной Америки он устроиться не мог, поскольку лауреат Нобелевской премии и знаменитый в Америке поэт Иосиф Бродский выступил против обустройства Евтушенко в Нью-Йорке или Нью-Джерси как поэта, разоблачающего в своей поэме “Под кожей статуи Свободы” “американский империализм”, убивающий лучших сынов Америки – Линкольна, Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди...

При этом Бродский чуть ли не грозил общественному мнению американских интеллектуалов, что если они закроют глаза на “антиамериканизм” Евтушенко, то он, Бродский, сложит с себя все почести и обязанности, коими его

наградила Америка. Вот и пришлось Евгению Александровичу вспомнить о “мелодии Лары”.

* * *

Кем только не называл себя Евгений Александрович, размышляя о месте, которое он занимает и займёт навечно в русской поэзии!

Ему хотелось быть своим и в Пушкинской плеяде, и в Есенинской, ему хотелось, чтобы его считали поэтом, стоящим рядом с Маяковским и Смеляковым, с Лермонтовым и Пастернаком... А по “социальности” он считал себя прямым собратом Николая Алексеевича Некрасова. Но это было хвастливым фарсом, потому что он не успел при жизни внимательно прочитать главную “социальную” поэму Николая Некрасова “Современники”, в которой великий поэт ужаснулся, глядя на петербургскую “элиту”, сформировавшуюся буквально за несколько лет сразу же после 1861 года, то есть после отмены крепостного права:

*Я заснул, мне снились планы
о походах на карманы
благодушных россиян,
и, оцупав мой карман,
я проснулся... Шумно в уши,
словно бьют колокола,
гомерические куши,
миллионные дела,
баснословные оклады,
недовыручка, делёж,
рельсы, шпалы, банкноты, вклады —
ничего не разберёшь!*

С прозорливостью пророка Некрасов словно бы разглядел наши 90-е годы с их дефолтами, “пирамидами”, “залповыми аукционами”, “ваучерами”, — словом, со всей эпохой криминальной революции и всемирно-исторического мошенничества, обрушившегося на нас второй раз через сто с лишним лет после пореформенного ограбления страны и народа... Герои его поэмы Григорий Зацепя, Фёдор Шкурин, Савва Антихристов — это наши Мавроди с Прохоровым, наши Березовский с Абрамовичем, наши Чубайс с Гайдаром.

А сколько их, переехавших с миллиардами в Европу и в Америку бывших банкиров — Пугачёв, Кузнецов, Гусинский... — Но путь на Запад сто с лишним лет назад им прокладывали герои поэмы Некрасова, такие, как фон Руге, сбежавший из холодной России в благословенную Испанию:

*Ухватив громадный куш,
он ушёл — на светлом юге
отдыхать. “Великий муж! —
говорят ему витии:
— Не пугайся клеветы!
Предприимчивость России
на такие высоты
ты вознёс, что миллиарда
увезённого не жаль!*

Этого мошенника, ограбившего Россию в поэме Некрасова, навещает “экс-писатель Пьер Кульков” (прообраз Анатолия Алексина, Анатолия Кузнецова, Анатолия Рыбакова и т. д.), который, захлёбываясь от восторга, рассказывает петербургским землякам:

*Я посетил отшельника Севильи,
На виллу Мирт хотелось мне взглянуть.*

*Пред ней поэт преклонится — в бессилье
Вообразить прекрасней что-нибудь.*

*Из мрамора каррарского колонны,
На потолках — сибирский малахит,
И в воздухе висящие балконы,
И с одного — в Европе лучший вид...*

А сколько таких вилл сегодня принадлежит и в Севилье, и на Лазурном берегу, и на итальянских холмах, и в австрийских Альпах семьям больших и маленьких “лужковых”, “абрамовичей”, “кохов” и т. д.

Но не забыть бы о том, как их обслуживала партийная, научная и творческая интеллигенция, о которой Некрасов писал так, как будто знал её, как облупленную, знал выпускников Академии общественных наук, Высшей партийной школы, бывших преподавателей марксизма-ленинизма:

*В каждой группе плутократов
(почти “партократов”! — Ст. К.)
русских, немцев и жидов
замечаю ренегатов
из семьи профессоров.
Их история известна:
скромным тружеником жил
и, служба народу честно,
плутократию громил,
был профессором, учёным
лет до тридцати,
и, казалось, миллионом
не собьёшь его с пути.
Вдруг конец истории —
в тридцать лет герой
прыг с обсерватории
в омут биржевой...*

Это о судьбах Роальда Сагдеева, Комы Иванова, Пивоварова, Евгения Сидорова и многих других профессоров. Не забыл Николай Алексеевич и о диссидентах, страдавших при советской власти и сделавших карьеру после 1993 года, вроде Артёма Тарасова, Сергея Адамовича Ковалёва, Валерии Новодворской...

*Под опалой в оны годы
находился демократ.
Друг народа и свободы,
а теперь он плутократ.*

А разве нынешние заказные убийства, при которых мы живём четверть века, — новость для нас? Нет, мы просто забыли признание Гришки Зацепина (“Зацепа”) из поэмы “Современники”, написанной в некрасовскую эпоху русского дикого капитализма:

*“Я — вор! — кричит вдрызг напившийся Зацепа, —
Я рыцарь шайки той
из всех племён, наречий, наций,
что исповедует разбой
под видом честных спекуляций,
где позабудь покой и сон,
добычу зорко карауля,
где в результате — миллион
или коническая пуля...”*

Как тут не вспомнить судьбу Галины Старовойтовой, Деда Хасана, Бориса Немцова, Вячеслава Иванькова (“Япончика”) и многих других знаменитостей...

Предвидел Николай Алексеевич и сегодняшний наш рэкет (американское слово!), и наше сегодняшнее лакейство перед Америкой:

*Грош у новейших господ
выше стыда и закона.
Нынче тоскует лишь тот,
кто не украл миллиона...*

(Ну, как тут не вспомнить слова мошенника Вячеслава Полонского о том, что “у кого нет миллиона – тот не человек...”)

*Бредит Америкой Русь,
к ней тяготеет сердечно...
Шуйско-ивановский гусь —
американец? — Конечно!*

*Что ни попало — тащат,
наш идеал, — говорят, —
заатлантический брат,
— Бог его — тоже ведь доллар! —*

А как блестяще Некрасов проиллюстрировал сегодняшнюю историю о том, что новые русские переводят свои богатства в офшоры (английское слово!), покупают особняки в центре Лондона, куда их переехало несколько сотен тысяч, уговаривают Лёню Голубкова купить дом в Париже... Ох, нестабильна обстановка в России, Ходорковский отсидел своё, а история с Магницким тоже у всех в памяти. И Некрасов вводит в поэму “Современник” хор мирового финансового лобби, которое уговаривает рыдающего русского миллионера перевести свои капиталы в Англию, являющуюся “финансовой матерью” наряду с Америкой всех денег мира:

*Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жида,
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слёзы свои,
Преодолейте истерику,
Вы нам продайте пая,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло,
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К нашей финансовой матери.
Денежки — добрый товар,
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство
И поживайте, как — царь!...*

300 тысяч новорусских семей живут, уехавши к “финансовой матери” в объятия туманного Альбиона.

Но не выдержала душа “Зацепы” – русского мошенника и авантюриста – такого циничного совета, не мог он принять гнусное предложение сбежать из своей России:

*Прочь! Гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий Союз!..*

*...Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры... Леонид
С последним словом увещания
Перед Зацепиным стоит.*

Как же объясняет некий Леонид страстную речь “Зацепы”? А вот как:

*Русской души не понять иноверцу,
Пусть он бичует себе, господя!
Дайте излиться прекрасному сердцу —
Нет в покаянье стыда.*

Однако вернёмся к Евтушенко, который назвал себя “некрасовцем”. Как мог он, увенчавший себя всемирной славой после стихотворенья “Бабий Яр”, поклоняться поэту, то и дело употреблявшему слово “жид”? А ведь за использование этого слова Евтушенко предлагал предавать антисемитов суду... Вот ведь как история подшутила над ним.

А в заключение “некрасовской главы” вспомню начало поэмы “Современники”:

*Я книгу взял, восстав от сна,
и прочитал я в ней:
“Бывали хуже времена,
но не было подлей!”*

Последние две строчки Некрасова стали народной поговоркой.

* * *

В литературной судьбе Е. Е. в 1959 году случилось знаменательное событие: он добился встречи с Борисом Пастернаком, которая якобы продолжалась аж 18 часов. О Пастернаке он вспомнил и в последние дни своей жизни, завещав похоронить себя рядом с ним. Видимо, он почитал Пастернака. Но было ли это почитание взаимным? Едва ли, если вспомнить поэтический завет Нобелевского лауреата:

*Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.*

*Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.*

*Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.*

.....
*Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.*

*И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица.
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

Из всех этих заветов Евтушенко был верен только последнему – “быть живым”. Но читаешь это стихотворение, и поневоле закрадывается в голову мысль – а не судьбу ли своего поклонника предсказывал Борис Леонидович, когда писал это поэтическое завещание?

А тут ещё, как на грех, я наткнулся на интервью Е. Е. “Новой газете”, где было такое признание:

“Когда я видел Целкова, я сразу понял – он гений. А что такое гений – это энергетика, которой он делится со всеми. В стихах, посвящённых Эрнсту Неизвестному, у меня есть строчки: “Стыдно не быть великим, каждый им должен быть”. То, что я виделся с ними, не позволяло и мне быть маленьким”.

Его всегда тянуло к мировым знаменитостям. Он словно бы подпитывался их энергией, их славой и как бы становился в их ряды, в ряды мировой элиты... Мало того, он ещё окружил себя тенями великих предков: “По характеру я пушкинианец, по сентиментальности – есенинец, по социальности – некрасовец”... А ещё добавил: “И как ни странно – пастернаковец”... Действительно, странно, потому что заполучить в этот ряд великих теней Бориса Леонидовича, сказавшего “быть знаменитым некрасиво”, – не получилось. “Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех...”. Но Е. Е. ведь не мог жить без “шумихи и успеха”, без того, чтобы “быть притчей на устах у всех”. А Пастернак требовал от художника ещё большего: “Нет, надо жить без самозванства”. Но что такое самозванец и самозванство? Наверное, это не порок, а, скорее, лицедейская страсть и способность артистических натур входить в роль, самозабвенно сыграть её до конца, не дожидаясь того, будешь ли ты, в конце концов, “любезен народу”, останешься ли в истории?

Самозванство – это собственная оценка самого себя, мания многих творческих людей, как правило, ярче всего проявляющаяся в начале пути. Вспомним, как писал о себе, начинающем стихотворце, Александр Твардовский: “Какой хочу – такой и знаменитый”.

А у Е. Е. этот соблазн самому называть себя вдохновлял и мучил его на протяжении всей жизни, до самого последнего дня. “Я разный, я натруженный и праздный”, “Если будет Россия – значит, буду и я”, “Я сибирской породы”, “Считайте меня коммунистом”. Он даже примерял на себя образ героя и мученика Остапа из знаменитой гоголевской повести: “Ты за мною, Байкал, словно Бульба Тарас за Остапом”.

Многоликость Евтушенко, способность менять свой образ, своё мировоззрение, свои убеждения, свою сущность опять же входит в противоречие с утверждением Бориса Леонидовича о губительном влиянии лицедейства на судьбу поэта:

*И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица...*

А Евгений Александрович “отступался от лица” не трижды, как апостол Пётр, а Бог знает, сколько раз. Но почему в таком случае он завещал положить его рядом с Пастернаком, по существу чуждым ему? Захотелось и после смерти быть рядом с мировой знаменитостью?

А ведь сам Борис Пастернак впадал в отчаяние от ненужной славы, иногда заключавшей его в свои объятия, как это случилось в 1958 году:

*На меня наставлен сумрак ночи,
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси...*

Чашу “шумихи и успеха”, чашу алчного людского любопытства, чашу мутной суперпопулярности, которую приходится испытать, по словам поэта Наума Коржавина, “не отличая славы от позора”.

Евгений Евтушенко всю жизнь играл с судьбой. Но напоследок судьба сыграла с ним если не злую, то поучительную и печальную шутку.

Он выбрал себе место на кладбище не только рядом с Борисом Пастернаком, но и с поэтом Виктором Боковым. У обоих поэтов – и у переделкинско-го дачника и затворника, и у глубоко народного поэта и узника сталинских

лагерей — есть стихи о Сталине. Поэтическую Сталиниану в советской поэзии открыл Борис Леонидович, опубликовавший 1 января 1936 года в газете “Известия” цикл стихотворений с хрестоматийной, вошедшей в историю строфой:

*А в те же дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живёт не человек, — деянье:
Поступок, ростом с шар земной.*

А Виктор Боков, проклинавший Иосифа Джугашвили в кемеровских лагерях, в 90-е годы прошлого века, на девяностом году жизни поглядел на Сталина другими глазами:

*Что случилось со мной — не пойму,
От ненависти — перешёл я к лояльности.
Тянет и тянет меня к нему,
К его кавказской национальности...
.....
Прости, мой вождь, что я побеспокоил
Бессмертную фамилию твою.*

Всю жизнь боровшийся со сталинизмом, автор стихотворения “Наследники Сталина” упокоился рядом с двумя поэтами, оправдавшими “усатого тирана и антисемита”. Неуютно Евгению Александровичу будет рядом с ними.

“Поэт в России больше, чем поэт”? — Действительно, поэту в России надо быть и почвенником, и космополитом, и русским патриотом, и юдофилом, и лицедеем, и однолюбом, и суперменом, и гуманистом, и долгожителем, и вечно молодым человеком, и... **Поистине, “поэт в России больше, чем поэт”...** А если сказать точнее, — “больше не поэт”...